

Нечаева Екатерина Сергеевна

аспирант Кубанского государственного
университета
dom-hors@mail.ru

БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД КАК СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Аннотация:

Повседневность позволяет исследователю увидеть длинные промежутки истории и одновременно разобраться в «мелочах» жизни, а биографический метод является способом сбора, обработки и анализа информации о конкретных индивидах и их личностных смыслах.

Ключевые слова:

повседневность, качественное исследование, феноменология, биографический метод, респондент, интервью, история отдельного случая.

Nechaeva Ekaterina Sergeevna

PhD student of
Kuban State University
dom-hors@mail.ru

BIOGRAPHICAL METHOD AS A WAY OF STUDYING EVERYDAY LIFE

The summary:

Everyday life allows the researcher to see long intervals of history and at the same time to understand the petty details of life, meanwhile a biographical method is a way of gathering, processing and analyzing data about the individuals and their personal purports.

Keywords:

everyday life, qualitative study, phenomenology, biographic method, respondent, interviews, individual case history.

Общественная наука имеет дело с биографиями, историей и их пересечениями в социальных структурах. Эти три измерения – биография, история и общество – составляют систему координат для объективного изучения человека.

Общество – это необычная область реальности, поскольку его судьба в значительной мере зависит от того, как люди видят общество, представляют его будущее, насколько они информированы как субъекты социальной деятельности и как осознают общественные процессы.

Жизнь – это история, и как гласит заглавие романа Мопассана «Жизнь»: жизнь представляет собой неразрывную совокупность событий некоторого индивидуального существования, задуманного и как история, и как рассказ об этой истории. Соответственно, когда цели и задачи исследования фокусируются на жизненном мире изучаемых людей, незаменимыми оказываются качественные методы, позволяющие проникнуть в этот мир [1, с. 75]. Если вы хотите узнать, как люди понимают свой мир и свою жизнь, то почему бы не поговорить с ними об этом.

Повседневность, таким образом, выступает как отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности – «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира», комплексное исследование этой реальности (жизненного мира) людей разных социальных слоев, их поведения и эмоциональных реакций на события.

При изучении повседневности, которая менее доступна для масштабных выборочных обследований, в социологии чаще всего используют наряду с классическими методами методы, основанные на приближении к нарративности повседневной жизни (case studies, анализ «профанных» текстов, биографический метод или «историю жизни»).

Важным методом познания является понимание и интерпретация личностных смыслов в социологических понятиях. Изучение концентрируется на уровне микроанализа конкретных ситуаций социального взаимодействия. Язык исследования максимально приближен к практике повседневного общения.

Следовательно, качественный метод как инструмент является составной частью специфической методологии, которую можно назвать качественной или гуманистической.

Качественные методы как способ микроанализа используются для изучения субъективного, индивидуального, локального – там, где необходимо пристальное изучение конкретных людей в конкретных ситуациях. Качественное исследовательское интервью направлено на то, чтобы понять мир с точки зрения собеседника, раскрыть смысл переживания человека, увидеть мир, в котором он живет, прежде чем давать ему научное объяснение.

В беседе-интервью исследователь слушает то, что сами люди говорят о мире, в котором живут; слышит, как они выражают свои взгляды и мнения своими собственными словами; узнает об их взглядах на ситуацию на работе и в семье, об их мечтах и надеждах [2, с. 11].

Социолог, имеющий дело с повседневной жизнью людей, более широко использует их обыденный язык, зачастую приводит большие цитаты из разговорной речи, поэтому описательный язык качественной социологии ближе к обыденному разговорному языку. В нем часто присутствуют метафоры и аналогии, образы, заимствованные из других областей знания.

Таким образом, качественный метод является незаменимым способом сбора, обработки и анализа информации о конкретных индивидах и их личностных смыслах.

Феноменологический подход очень широко распространен в качественных исследованиях. В социологию феноменология проникла через основанную на идеях Э. Гуссерля социологию Шутца, а затем была обоснована П. Бергером и Т. Лукманом в их работе «Социальное конструирование реальности».

Предметами изучения феноменологии сначала были сознание и опыт, затем этот предмет расширился и включил *жизненный мир человека* (Хайдеггер) и *поступок человека* (Сартр).

«Феноменология – это изучение структуры (и ее вариаций) сознания, которому явлены любая вещь, событие или человек». Феноменология заинтересована в освещении как того, что явлено, и того, как оно явлено. Она изучает взгляды исследуемых на их мир; старается детально описать содержание и структуру сознания субъектов, ухватить качественные различия в их переживаниях и выявить сущностный смысл переживаний. Феноменология пытается проникнуть за пределы непосредственно переживаемого смысла, чтобы сделать незримое зримым.

Основным предметом исследования феноменологической социологии, согласно А. Шюцу, является анализ смысловых структур повседневного мира, или социальной реальности. Последнюю он определял как «совокупность всех объектов и явлений социокультурного мира, каким он представляется обыденному сознанию людей, живущих среди других людей и связанных с ними многообразными отношениями взаимодействия» [3, с. 403]. Изучение смысловых структур социальной реальности означает, таким образом, изучение intersубъективных значений, конституируемых людьми в процессе их жизнедеятельности. Получается, что бодрствующий взрослый человек воспринимает intersубъективный мир повседневной жизни, на которую и в которой он действует как человек среди других людей. Этот мир существовал до нашего рождения, переживался и интерпретировался нашими предшественниками как мир организованный. Перед нами он

предстает в нашем собственном переживании и интерпретации. Но любая интерпретация мира основана на предыдущем знакомстве с ним – нашем лично или передаваемом нам родителями и учителями. Этот опыт в форме «наличного знания» (knowledge at hand) выступает как схема, с которой мы соотносим все наши восприятия и переживания.

Такой опыт включает в себя представление о том, что мир, в котором мы живем, – это мир объектов с более или менее определенными качествами. Среди этих объектов мы движемся, испытываем их сопротивление и можем на них воздействовать. Но ни один из них не воспринимается нами как изолированный, поскольку изначально связан с предшествующим опытом. Это и есть запас наличного знания, которое до поры до времени воспринимается как нечто само собой разумеющееся, хотя в любой момент оно и может быть поставлено под сомнение.

А. Шюц дифференцировал все «жизненные миры» на «конечные области значений» (религия, сон, игра, научное теоретизирование, художественное творчество, мир душевной болезни и пр.), то есть знаково-символические сферы языковых конструкций, переход из которых требует определенного смыслового скачка. Он выделил шесть конституирующих элементов повседневности, провозглашенной им «верховой реальностью»: трудовая деятельность, ориентированная на внешний мир; специфическая уверенность в существовании и достоверности восприятия внешнего мира; активное и напряженное отношение к жизни; восприятие времени через призму трудовых ритмов; определенность личностной самоидентификации; особая форма социальности как мира социального действия и коммуникации [4, с. 8].

Несмотря на то что жизненный мир является общим для всех пространством социального действия, каждый человек «размещен» в нем особым образом, что определяется, согласно А. Шюцу, его биографической ситуацией. Каждая биографическая ситуация уникальна, так как связана с условиями рождения, воспитания, жизни, социального окружения, что приводит к различиям в видении каждым отдельным человеком окружающего его мира и собственного положения в нем. Биографическая ситуация, включающая также определенный «запас жизненного опыта», который А. Шюц называет «осажденной» структурой индивидуального опыта, служит основой для настоящих и будущих интерпретаций и понимания действий, событий, людей, самого себя. «Мир» становится «моим миром» в соответствии с определенными характеристиками моей биографической ситуации, являющимися результатом «седиментации» («осаждения») всего предыдущего субъективного опыта, который воспринимается человеком как уникальный и данный только ему [5, с. 11].

Биографический метод имеет очень много общего с методом включенного наблюдения и, по сути, является еще одной разновидностью этнографического подхода к «анализу случая». Отличием биографического метода можно считать большую сфокусированность на уникальных аспектах истории жизни человека (иногда – группы, организации) и на субъективном, личностном подходе к описанию человеческой жизни, карьеры, истории любви и т. п. В центре внимания социолога здесь оказывается документальное или устное описание событий с точки зрения самого «случая», т. е. те сведения, которые в медицине называют субъективным анамнезом. Как и метод включенного наблюдения, биографический метод имеет «этнографические» корни. Культурные антропологи и историки часто опирались (и опираются) на «устные истории» или дневниковые записи и мемуары, когда им приходится изучать соответственно «доисторические», не имеющие письменной традиции сообщества, либо «закулисные» политические механизмы [6, с. 13].

В центре внимания биографического исследования – изучение течения всей жизни человека, ее внутренней динамики, ее «встроенности» в социум, субъективного управления и приобретенного опыта. При этом биографическое исследование имеет, согласно

М. Коли, свои нормативные требования: 1) оно должно давать взгляд на жизнь индивида в целом; 2) учитывать взаимосвязь индивидуальной истории жизни и истории общества; 3) осмысливать интерпретационную активность актеров повседневности.

Биографические данные в социологии – это основной источник детальных и мотивированных описаний «истории» отдельной личности. Некоторые авторы даже предлагают взамен широко употребляемых терминов «биографический метод» или «история жизни» использовать термин «история отдельного случая» (individual case history), подчеркивающий избирательный, селективный характер жизнеописания [7, с. 112].

Считается, что «история жизни» как социологическая исследовательская стратегия «вышла» из знаменитого исследования крестьян, иммигрантов в Европу и США из Польши, произведенного американскими социологами У. Томасом и Ф. Знанецким. Томас и Знанецкий первыми выступили с обоснованием использования биографического метода в рамках интерпретативного подхода в социологии. Они полагали, что социальные процессы нужно рассматривать как результат постоянного взаимодействия сознания личности и объективной социальной реальности. В этом взаимодействии личность и «ее» определения реальности выступают и как постоянно действующий детерминант, и как продукт социального взаимодействия. Следовательно, изучение сознания и самосознания – необходимое условие анализа социального мира.

В 1920–1940-х гг. биографический метод широко применялся представителями Чикагской школы, откуда вышло целое направление биографических исследований – изучение культурной проблематики групп иммигрантов, образа жизни преступников и девиантных групп, возникновения преступлений в истории жизни, проблем урбанизированного общества, особенностей языковой и культурной дивергенции [8, с. 27].

Возрождение методологического интереса к этому типу исследования связывают с работой Д. Берто «Биография и общество», вышедшей в 1981 г. Уже с середины 1980-х социологические сообщества начинают осознать, что ничто в мире из того, что мы видим и описываем, не предстает перед нами таковым, каким оно существует на самом деле: наше восприятие всегда опосредовано через то, как мы видим мир в настоящее время. Это означает, что история жизни – это и репрезентация автора, его видения ситуации. В экстремальном постмодернистском варианте это означает, что не существует фактов, есть только лишь интерпретации: «факты» уже не являются фактами, но лишь фигурами текста (слова – «означающие» – потеряли связь с «означаемым» – реальностью).

Согласно Н. Дензину, «...биографический метод представляет переживания и определения одного лица, одной группы или одной организации в той форме, в которой это лицо, группа или организация интерпретируют эти переживания» [9, с. 58].

Фундаментальная особенность биографического метода – его направленность на воссоздание исторической, развернутой во времени перспективы событий. Используя биографический метод, социолог становится в некотором роде социальным историком. История социальных институтов и социальных изменений здесь раскрывает себя через рассказы людей об их собственной жизни. Это открывает дополнительные возможности для пересмотра «официальных» версий истории, написанных с позиций властвующих классов и групп и сопоставления этих версий с основанным на повседневном опыте знанием социальной жизни, которым располагают непривилегированные и «безгласные» социальные группы. «Кто говорит и кого слушают – это политические вопросы; факт, становящийся особенно очевидным, когда голос получают люди, обладающие низким статусом и властью».

Особое внимание проблеме предоставления права голоса «безгласным» уделяет традиция символического интеракционизма. Здесь эта проблема рассматривается не столько в политическом, сколько в теоретическом аспекте. Предполагается, что во

всяком обществе существует определенная «иерархия правдоподобия» в производстве и распространении значений и социального знания. Те, кто находится на «верхнем этаже» этой иерархии, имеют преимущество в формулировке правил, используемых для приписывания смысла действиям и определения ситуации. В результате кто-то диктует правила и нормы в соответствии со своими интересами, а кто-то, также следуя своим интересам, нарушает эти правила и нормы. Если социолог принимает одну, господствующую точку зрения при описании фрагмента социальной реальности, он заведомо игнорирует те интересы, знания и смыслы, которые определяют поступки другой стороны [10, с. 49]. Биографический подход, с точки зрения символического интеракционизма, увеличивает шансы исследователя в понимании нестандартных или «отклоняющихся» от общепринятого смысловых перспектив.

«Собственная история» может и должна быть дополнена сведениями о том, как определяют ситуацию другие участники. Сопоставление точек зрения и сведений, полученных с помощью разных методов и (или) из разных источников, позволяет полно и достаточно объективно воссоздать не только внешнюю картину событий, но и их субъективный смысл для участников. Такой тип исследовательской стратегии в социологии принято обозначать как множественную триангуляцию. Множественная триангуляция помогает в анализе различающихся определений ситуации, относящихся к одним и тем же элементам опыта [11, с. 48].

Важно, однако, различать биографические (автобиографические) истории и так называемые устные истории. «Устная история» – это фактически воссоздание определенных исторических событий. В ее фокусе – не субъективный опыт деятеля, а историческое знание о событиях, процессах, движущих силах и причинах. Устные истории, рассказанные участниками событий, используются для накопления такого исторического и фактического знания [11, с. 32]. Проблемы достоверности устной истории находят свое отражение в том, что кто-то ищет в историях следы тщательно похороненной под официальными версиями событий правды, кто-то – логику и типичу совершаемых поступков, кто-то реконструирует причины умолчания или оправдания.

Важно отметить тот факт, что при использовании метода «истории жизни» информант, с одной стороны, является источником информации о своей жизни, с другой – он может быть повседневным экспертом, сведущим в вопросах повседневных практик и даже жизненного мира окружающих его людей [12, с. 23].

В социологии принято различать три основных типа «историй жизни»: полные, тематические и отредактированные. Полная «история жизни» в идеале очерчивает весь жизненный опыт субъекта. Тематическая «история жизни» относится преимущественно к одной стороне или фазе жизненного цикла субъекта. Нередко множество отредактированных «историй жизни» становится иллюстративным или доказательным материалом в теоретическом по сути исследовании [13, с. 45].

Тематические автобиографии, в отличие от полных, ориентированы на определенную сферу личного опыта или период жизни. Однако автобиография – это реконструированная субъектом в определенный момент жизни история. Здесь особенно вероятны смещения и ошибки, вызванные и стремлением рационально мотивировать любой поступок с точки зрения «сегодняшнего» мировосприятия. Методологическая триангуляция (сопоставление, сравнение нескольких тематических историй жизни) становится единственным средством достижения достоверности и объективности при анализе «историй жизни», основанных на автобиографических данных. Иными словами, автобиографические данные должны интерпретироваться в контексте сведений, полученных из иных источников [14, с. 72].

Особенности автобиографической памяти, по Тульвингу, состоят в том, что информация должна пройти сначала семантическую память, прежде чем она сможет достичь эпизодической, и что часть информации «отвердевает» на уровне знания, в то время как другая часть связности с контекстом репрезентируется эпизодически. Если вызывать воспоминание, стимулируя в ситуации интервью рассказ о прошлом, насыщенный конкретными эпизодами, то есть апеллировать к эпизодической памяти, то не удастся минуть семантики, заложенных значений, поскольку именно через семантическую память информация закладывается на хранение. Это означает принципиальную невозможность «очистить» автобиографическую память от субъективности, что порождает два методологических императива: «реабилитацию» субъективности и развитие техник нарративного опрашивания и анализа, сближающих произошедшее-пережитое-рассказанное.

Необходимо отметить те проблемы, которые возникают в связи с «индивидуальной» природой биографических данных. Роль негативных, опровергающих примеров в этом случае особенно существенна: обобщения, построенные на нескольких «историях жизни», могут быть уточнены, дополнены или опровергнуты лишь при сопоставлении с новыми, отобранными по теоретически-релевантным признакам, случаями. Необходимо обосновать «типичность», репрезентативность отобранных для изучения индивидуальных случаев [15, с. 35].

В целом биографический метод особенно уязвим для критики, указывающей на наличие таких угроз внутренней валидности, как субъективные смещения и историческая эволюция субъектов. Все респонденты, рассказывающие свои «жизненные истории», анализируют свое прошлое (и предугадывают будущее) с точки зрения конкретного, «вот этого», момента своего личностного развития, обычно стремясь дать социально-одобряемую и согласованную картину жизни как целого. К тому же социолог должен помнить о том, что сама форма биографического повествования – литературная по сути и корням – подталкивает субъекта к использованию популярных биографических канонов, расхожих «сценариев» (например, «история успеха», «рассказ о поиске личностной идентичности», «жизнь прирожденного неудачника» и т. п.). С этой точки зрения, «хорошая» биография не должна быть излишне согласованной во всех деталях.

Использование интерпретативных моделей в анализе биографических данных ориентировано не столько на выведение общих объяснений и причинных закономерностей, сколько на понимание субъективного смысла событий с точки зрения деятеля. Однако и в этом случае достоверность интерпретации зависит от сопоставления сведений, полученных из разных источников, и критической оценки личных сообщений. Фактически биографический метод ведет исследователя к тем же проблемам, что и метод историографический. Здесь часто необходимы и оценка достоверности и подлинности личного документа, и соотнесение с другими свидетельствами, а иногда – и установление авторства. Биографический метод по определению историчен – используя документы прошлого, он стремится к созданию убедительного исторического объяснения полученных сведений. Поскольку историографией называют всякую попытку реконструкции прошлого на основе документальных данных, «история жизни» – тоже форма историографии.

Источники данных в историографии принято делить на первичные и вторичные. К первичным относят те источники, которые содержат непосредственные свидетельства очевидцев или прямых участников событий, а ко вторичным – свидетельства или рассказы тех, кто не присутствовал при описываемых событиях. В историографии принято считать более надежными те документы, автор которых ближе включен в описываемую ситуацию и дает описание «из первых рук». Кроме того, выше ценятся свидетельства более опытного и искушенного наблюдателя, иными словами – эксперта.

Многие авторы полагают, что достоверность и надежность документов тем выше, чем уже аудитория, к которой адресуется автор, т. е. по мере роста предполагаемой аудитории автор все больше оказывается под влиянием тенденции описывать события в апологетическом и драматическом ракурсе: интимная исповедь постепенно превращается в пропаганду. Для социолога, использующего личные документы, определенный интерес представляют и те приемы критики источников и установления их подлинности, которые традиционно применяются в историографии. Во-первых, речь идет о проверке подлинности (несфальсифицированности) текста, установлении его авторства. Если для социолога, имеющего дело с «живым» рассказом, эти проблемы сравнительно малозначимы, то использование личных документов «в отсутствие» субъекта выдвигает их на первый план [16, с. 43]. Немаловажное значение имеет обоснованность интерпретации текста с точки зрения его характера, целей написания, предполагаемой аудитории и его социального контекста.

В то же время наша способность к пониманию биографических и – шире – исторических событий всегда ограничена и доступным нам смысловым горизонтом социального действия, и принимаемыми теоретическими схемами.

Поэтому субъективные свидетельства являются источником для микроистории, для которой имеется мало других источников или где субъективные источники вследствие своего предмета выходят на авансцену, например гендерная идентичность, семья, родство, гендерные роли, стили воспитания, практики труда и профессии, но также воспроизводство элит во властных структурах, партиях и прочих институтах, религиозные связи и ритуалы, их секуляризация и т. д.

Стоит отметить, что в последнее время в социологию возвращается способность говорить с людьми на их обыденном языке, умение слушать и исследовать все, что относится к человеческому бытию и действиям людей, какими бы банальными они ни выглядели. Для исследователя это означает отход от позиции респектабельного кабинетного ученого, имеющего дело только со статистическим видением реальности, и выход в реальную социальную практику непосредственного общения с людьми, населяющими поле данного исследования.

Открытость громадному богатству человеческой жизни делает невозможным всегда оставаться в рамках чистого научного знания и следовать железной логике социологизма. Это вынуждает социолога оставлять «щели» в глухих стенах своей теоретической схемы – «щели», сквозь которые можно увидеть другие возможные горизонты интерпретации и другие жизненные реалии.

Ссылки:

1. Бурдые П. Биографическая иллюзия // Интер. 2002. № 1.
2. Квале С. Исследовательское интервью. М., 2003.
3. Шюц А. О множественных реальностях // Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004.
4. Оболенская С.В. «История повседневности» в современной историографии ФРГ. М., 1990.
5. Ноговицын О.Н. Феноменология повседневности: Теория социального конструирования реальности : текст лекции. СПб., 2006.
6. Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. М., 2003.
7. Биографический метод в социологии: история, методология, практика / под ред. В.В. Семенов, Е.Ю. Мещеркиной. М., 1993.

References (transliterated):

1. Burd'e P. Biograficheskaya illyuziya // Inter. 2002. № 1.
2. Kvale S. Issledovatel'skoe interv'yu. M., 2003.
3. Shyuts A. O mnozhestvennykh real'nostyakh // Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom. M., 2004.
4. Obolenskaya S.V. «Istoriya povsednevnosti» v sovremennoy istoriografii FRG. M., 1990.
5. Nogovitsyn O.N. Fenomenologiya povsednevnosti: Teoriya sotsial'nogo konstruirovaniya real'nosti : tekst lektsii. SPb., 2006.
6. Devyatko I.F. Metody sotsiologicheskogo issledovaniya. M., 2003.
7. Biograficheskiy metod v sotsiologii: istoriya, metodologiya, praktika / ed. by V.V. Semenova, E.Y. Meshcherkina. M., 1993.

8. Журавлев В.Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях // Социология 4 М. 1993–1994. № 3–4.
9. Девятко И.Ф. Указ. соч.
10. Биографический метод в социологии...
11. Девятко И.Ф. Указ. соч.
12. Биографический метод в социологии...
13. Журавлев В.Ф. Указ. соч.
14. Девятко И.Ф. Указ. соч.
15. Биографический метод в социологии...
16. Девятко И.Ф. Указ. соч.

8. Zhuravlev V.F. Narrativnoe interv'yu v biograficheskikh issledovaniyakh // Sotsiologiya 4 M. 1993–1994. № 3–4.
9. Devyatko I.F. Op. cit.
10. Biograficheskiy metod v sotsiologii...
11. Devyatko I.F. Op. cit.
12. Biograficheskiy metod v sotsiologii...
13. Zhuravlev V.F. Op. cit.
14. Devyatko I.F. Op. cit.
15. Biograficheskiy metod v sotsiologii...
16. Devyatko I.F. Op. cit.